

ВСТРЕЧИ С ЗАБЫТЫМ

"Я был, есть и буду его учеником"

Е. М. Коробова

Институт геохимии и аналитической химии
им. В. И. Вернадского АН СССР
Москва

ВШИРОКО известной ныне книге Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» есть такие строки: «В наш карточный домик, как и положено в приличных семейных домах, приходили знакомые. Например, профессор Симорин... блестящий эрудит и остроумец... импонировал Васке своими рассказами о предрестном времени, в котором фигурировали имена, встречавшиеся Васе только на обложке учебников»².

Речь тут идет о магаданской ссылке конца 40-х годов. Гость «карточного домика» — Александр Михайлович Симорин — ученик и коллега Вернадского, работавший в 30-х годах в знаменитом Биогеле — Биохимической лаборатории АН СССР, преобразованной впоследствии в Институт геохимии и аналитической химии (ГЕОХИ). Одно из имен на обложке учебников — конечно, Вернадский. Вот только профессором Симорин никогда не был. И хотя, казалось бы, его судьба не так печальна, как судьбы бесследно исчезнувших в сталинских лагерях, 20 лет заключения и ссылки, тень ГУЛАГА после реабилитации не позволили Симорину реализовать творческий потенциал. Это ли не трагедия ученого?

Почти не осталось людей, знавших Симорина, немногочисленны его научные труды. Лишь несколько документов и писем в казенных и домашних архивах³.

По крупицам восстанавливается жизнь человека, для которого главным было служение науке. Жизнь, распадающаяся на «до» и «после» ареста.

Родился Симорин 25 (13) августа 1899 г. в Саратове. По воспоминаниям писателя Л. И. Гумилевского, его репетитора в гимназические годы, Саша был «обыкновенным мальчиком с хорошим русским лицом; как все обыкновенные мальчики заглядывал в ответ, прежде чем решить задачу, читал Фенимора Купера и Майн Рида»⁴.

Мать, Евдокия Алексеевна Симорина, по словам сына, «чуткая, самоотверженная, светлый человек», тянула семью из четырех человек, оставленную отцом в 1911 г., но сумела передать сыну высокую духовность и тягу к знаниям. В 1916 г. Александр окончил гимназию с золотой медалью. Интересуясь архитектурой, поступил в Петроградский политехнический институт на инженерно-строительное отделение. Однако из-за отсутствия средств курс не закончил и вернулся в Саратов, хотя и успел «основательно познакомиться с основами высшей математики, теоретической механики, физики и химией»⁵.

Осенью 1919 г., увлекшись физиологией, Симорин поступил на медицинский факультет Саратовского университета, который закончил в 1925 г. Во время

учебы он отдавал предпочтение «не клиникам и отдельным медицинским дисциплинам, а дисциплинам естественно-историческим — зоологии, физиологии, физиологической химии». Поэтому, получив официальное звание врача, считал себя «фактически натуралистом с химическим уклоном»⁶.

Во время учебы подрабатывал — приходилось бывать и торговым агентом, и санитаром. Окончив университет, остался на кафедре гистологии, а затем перешел на биохимическое отделение Института микробиологии и эпидемиологии юго-востока РСФСР, читая при этом лекции на курсах для врачей-бактериологов. За это время он опубликовал пять статей, посвященных биохимическим экспериментам в рамках микробиологии.

Впрочем, их узкий характер мало удовлетворял Симорина, и он переходит в лабораторию органической химии Саратовского университета к профессору В. В. Челинцеву⁷, под руководством которого приступил к анализу горючих сланцев — материала геологического, но биогенного происхождения. Именно в этот период Симорин впервые соприкоснулся с идеями Вернадского и Я. В. Самойлова⁸ о роли живого вещества в химии земной коры. Захваченный ими, он перебирается в Ленинград, где в феврале 1931 г. ему представляется возможность работать «в биогеохимическом разрезе под руко-

© Коробова Е. М. «Я был, есть и буду его учеником».

¹ В. П. Аксенов, сын Е. Гинзбург, писатель.

² Гинзбург Е. Крутой маршрут // Даугава. 1988. № 4. С. 13.

³ При подготовке статьи использованы материалы из архивов В. И. Вернадского в АН СССР и Кабинете-музее В. И. Вернадского в ГЕОХИ, любезно предоставлен-

ные автору В. П. Волковым, И. И. Мочаловым и В. С. Неаполитанской.

⁴ Гумилевский Л. И. Воспоминания. Рукопись из фонда В. В. Гумилевской. Гумилевский — автор первой биографии Вернадского в серии «Жизнь замечательных людей» — узнал о Вернадском от Симорина.

⁵ Из автобиографии Симорина. 1936 г. Архив АН СССР. Ф. 107. Оп. 6. № 184. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Челинцев В. В. (1877—1947), химик-органик, член-корреспондент АН СССР. Инициатор использования волжских сланцев, битумов, природного газа.

⁸ Самойлов Я. В. (1870—1925), минералог, геолог, биогеохимик, автор теории биогенного происхождения осадочных месторождений.

В гимназические годы.

водством академика В. И. Вернадского».

Еще в 1926 г. Вернадский создает Отдел живого вещества при Комиссии по изучению естественных производительных сил России, преобразованный затем в Биогел. Штатных сотрудников в лаборатории было всего 10 человек, однако Вернадский активно привлекал исследователей из других организаций. Симорину поручается организовать работу биогеохимической лаборатории при Полярном филиале Государственного океанографического института (ГОИН). 10 июня 1931 г. датирован краткий отчет Симорина Вернадскому из г. Полярного: «...нет рабочих рук, нет материалов. Тормосит дело недостаточно активный административный аппарат». Тем не менее: «...работа в лаборатории уже на ходу... Бытовые условия суровы. Условия личной научной работы очень хорошие»⁹.

С осени 1931 г. Симорин зачислен научным сотрудником I разряда в Биогел. Параллель-

но работая в ГОИНе, он определяет содержание брома в морских организмах и водорослях Баренцева и Белого морей (для многих видов эти данные были получены впервые). Кроме научного работа Симорина имела и практическое значение. Выявление живых накопителей брома позволяло расширить его добычу. Написанные по результатам исследований две статьи Симорина были направлены им в «Труды Государственного океанографического института», но, судя по переписке Симорина с Вернадским, так и не вышли в свет. Однако определения Симорина со ссылками на него как на аналитика вошли в монографию А. П. Виноградова «Химический элементарный состав организмов моря», издававшуюся по частям в 1935, 1937 и 1944 гг.

Кстати, сам Симорин полагал, что он - наиболее полезен Биогелу как химик-аналитик при решении проблем, сопрягающихся с биогеохимией. К ним он относил многие проблемы почвоведения, растениеводства, океанографии и медицины, что в то время осознавалось немногими. Недаром в одном из писем Вернадскому он подчеркивал, что хотел бы провести работу в том разделе биогеохимии, где ее выводы имели бы «большее значение для живого вещества как такового, чем для той или иной проблемы в собственно геохимии».

В 1935 г., уже после переезда Биогела из Ленинграда в Москву, Симорин возглавил экспедицию в Восточное Забайкалье — долину р. Уров. (Интересно, что в ее составе были К. П. Флоренский, в будущем один из основателей сравнительной планетологии, сын выдающегося философа и теолога П. А. Флоренского, и Н. В. Фаворский, сын известного художника-графика, впоследствии погибший на фронте.) Среди местных жителей (потомков казаков, поселившихся здесь в XVIII в.) была распространена так называемая болезнь Кашина — Бека — тяжкий недуг, приводивший к деформации скелета, развитию эндемического зоба, дегенерации. Выяснением причины заболевания (строгая его локализация наводила на мысль о

местных геохимических аномалиях) занимался Уровский научно-исследовательский институт, директор которого и обратился за помощью в Биогел. Врач и биохимик, исследователь с большим кругозором, Симорин, видимо, как никто другой подходил для решения этой задачи.

Его экспедиция проработала в Забайкалье только один полевой сезон, конкретную причину болезни установить не удалось (позже местных жителей переселили), но начало эколого-геохимическим исследованиям в нашей стране было положено.

В статье о болезни Кашина — Бека — единственной опубликованной биогеохимической работе Симорина — он не только анализирует конкретные условия местности и характер заболевания, но и обсуждает принципиальную возможность геохимического возникновения эндемических болезней, пожалуй впервые пользуясь в публикации со ссылкой на А. П. Виноградова термином «биогеохимическая» провинция, вошедшим в широкое употребление через несколько лет¹⁰.

Отмечая множество гипотез происхождения этой болезни, Симорин предлагает изучать местную миграцию элементов, предположительно ответственных за нарушение обмена, от их первоисточника (горные породы, почвы), через промежуточные звенья трофической цепи (воды, растения, животные) до организма человека, его внутренней среды, видовые и геохимические особенности местных видов растений и животных. При этом Симорин предвидит «чрезвычайно интересную и многообразную по своим практическим результатам совместную работу биологии, биохимии, почвоведения, экспериментальной медицины, ветеринарии». Такая методология, позволяющая устанавливать причинно-следственные связи, стала впоследствии классической при всех эколого-геохимических исследованиях и сейчас приобретает особое значение в связи с загрязнением биосферы и необходимостью оптимизации гео-

⁹ Здесь и далее документы цитируются из архива В. И. Вернадского. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 3, 6.

¹⁰ Симорин А. М. // Вестник АН СССР. 1936. № 1. С. 82—90.

химической деятельности человека.

Но планы Симорина не осуществились. В Архиве АН СССР на бланке секретаря-та Академии с неразборчивой подписью сохранилась запись от 22 ноября 1936 г.: «Арестован органами НКВД (сообщил академик Вернадский)».

После нескольких месяцев тюрьмы Симорин оказался в лагере под Магаданом, на лесозаготовках. В барак возвращался едва живой с мыслями о близкой смерти. Его спас Вернадский, сделавший все возможное для облегчения участи своего ученика. Впоследствии Симорин рассказывал, как это произошло, своему близкому другу, хранителю и архивисту кабинета-музея В. И. Вернадского в ГЕОХИ В. С. Неаполитанской. На имя начальника лагеря пришло письмо, в котором Вернадский писал, что произошла ошибка, что Академия наук хлопочет о пересмотре дела Симорина и, учитывая медицинское образование Симорина, он просит облегчить его положение. Начальник вызвал Симорина и спросил, кто такой Вернадский. Ответ, видимо, произвел впечатление. Начальник передал Симорину короткое письмо от Вернадского и оттиск его статьи с надписью: «Дорогому другу Александру Михайловичу от академика-орденоносца Вернадского». ...Симорина перевели на работу в амбулаторию, он получил более сносные условия жилья. Позднее он писал: «В очень тяжелую, даже страшную минуту своей жизни я получил от него брошюру и не расставался с ней буквально ни днем, ни ночью (когда спал — она лежала под подушкой). И странно, с момента ее получения все изменилось в моем бытии. Большую роль сыграл сам факт ее адресования на мое имя»¹¹.

В январе 1939 г. Вернадский обращается в Президиум Верховного Совета СССР:

«Горячо поддерживаю просьбу матери молодого талантливого ученого, прекрасно научного работника Александра Михайловича Симорина о возвращении его к научной

работе. Врач по образованию, А. М. Симорин в то же самое время химик (ученик профессора Челинцева — ныне члена-корреспондента Академии). А. М. Симорин в качестве химика работал в течение нескольких лет в моей биогеохимической лаборатории. Работа его катастрофически прекратилась в ноябре 1936 г., когда он был арестован и очутился теперь на Дальнем Востоке, где его силы и знания не используются правильным образом. Я был бы чрезвычайно рад, если бы он вернулся в нашу лабораторию, где он начал вести важную и нужную для нашей страны работу. В 1936 г. А. М. Симорину была присуждена степень кандидата химических наук. Основой этого присуждения была совокупность его работ по геохимии и биохимии брома¹². Арест его для меня был совершенно неожиданным, и янисколько не сомневаюсь (зная его очень хорошо), что мы имеем здесь случай, не отвечающий реальным обстоятельствам дела.

Обращаясь к такому высокому учреждению, как Президиум Верховного Совета, я считаю себя обязанным говорить с полной откровенностью до конца. В это время много людей очутились в положении Симорина без реальной вины с их стороны. Мы не можем закрывать на это глаза.

А. М. Симорин мужественно перенес выпавшее на его долю несчастье, и возвращение его в нашу среду к любимой им научной работе, где он очень нужен, будет актом справедливости»¹³.

Вернуться в среду Вернадского Симорину так и не довелось, но мысленно он с ней никогда не расставался. Вот отрыв-

ки из письма матери от 4 декабря 1939 г.

«Осенью 37-го года, когда я был конопатчиком в бухте Веселой, я чуть было не умудрился между делом определять бром в водорослях бухты. У меня появился такой холодильник Либиха — такая изумительная посуда, что сам Челинцев, любивший в черепках творить двойные и тройные углеродные связи, пришел бы в неописуемый восторг. Гоголевский Плюшкин с дрожанием в пальцах сохранял бы мое достояние. Но я ушел в этап, и моя посуда едва ли теперь сможет попасть в музей редкостей. (...) ...Душа мучительно и тягуче затосковала по Монетному переулку¹⁴, по... лаборатории, в которой я любил каждый уголок, по гудению центрифуги и вытяжного шкафа, по таким мелочам, о которых смешно писать, — ну хотя бы по игре солнышка по полу и стенкам, когда приезжаешь в лабораторию в выходной день, и всюду стоит покой и какая-то вдумчивая тишина, и дорожки в коридорах лежат солидно и важно...

К великому сожалению, биологические процессы необратимы, и мой жизненный процесс ограничен во времени, и очень боюсь, что налицо много факторов, укорачивающих его... Я же этого мучительно не хочу. Если бы я сейчас вернулся в Москву, то весь свой порядок работы повернул бы по-иному. Я готов спать, как Рышелье, 4 часа в сутки — лишь бы работать, двигаться, читать, переводить, сопоставлять, вычислять. Это есть какое-то неестественное требование нервной системы (вероятно, влияние многолетне установившихся рефлекторных связей). Пойми мое состояние, когда спустя полтора года по отъезде из Москвы, подметая пол в больнице, я нахожу отрывок газеты и вижу имена Вл. Ив. [Вернадского], Ал. Павл. [Виноградова], и читаю о работах Биогеохимической лаборатории над Аи. Все пережитое,

¹⁴ В Старомонетном переулке в доме 35 находилась Биогеохимическая лаборатория (ныне здание Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР).

¹¹ Письмо от 13 декабря 1944 г. Архив В. С. Неаполитанской.

¹² Кандидатская степень была присвоена Симорину без защиты диссертации по представлению В. И. Вернадского.

¹³ Это письмо, как и ранее опубликованные архивные материалы, начисто опровергает мнение, будто Вернадский, «...как и большинство советских граждан в то время, верил... в истинность обвинений, которые предъявлялись обвиняемым на политических процессах 30-х годов» (Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 249).

**Александр Михайлович Симорин.
50-е годы.**

больше того — вся былая жизнь, давно ощущаемая как сновидение, воскресла с изумительной четкостью, яркостью. Тот, кто мог бы понять чужие мысли, с удивлением бы остановился около «подметалы», у которого в голове стоял вопрос — каким методом работает Бабочка?¹⁵ Если бы, кстати, я знал этот метод определения Au и его можно было бы здесь применить, я подал бы заявление начальнику Дальстроя НКВД с просьбой разрешить мне применить этот метод или тот, за который агитировала наша лаборатория, провести исследования на Колыме. Это имело бы для нашей лаборатории исключительный интерес, так как здесь имеется ряд, если можно так выразиться, «своеобразных особенностей». Если бы В. И. и А. П. разрешили мне написать им об этом, у ме-

ня, в моей «другой галактической системе», был бы день земного счастья. (...) Неужели будет тот необыкновенный в моей жизни день, когда я увижу В. И. и А. П. и весь ряд знакомых и дорогих мне лиц? (...) В. И. большой, прекрасный, редкий человек. (...) Я по-прежнему люблю и уважаю его всей душой и считаю себя счастливым, что встретил его в своей жизни, и гордый от сознания, что я был, есть и буду его учеником еще долгое время, — только бы мне застать его живым. (...)

Я живу своей работой, воспоминаниями, надеждой, планами будущих работ... Я не имею книг... сделал своеобразную сводку всего того, что удержала моя жадная до знаний голова. И представляю, что есть о чем думать, что необходимо привести в полную ясность; откуда-то из дебрей сознания выплывают прочитанные, давно забытые мысли, интересно сочетаются с другими, еще более давними и тоже забытыми... Так вот и создается свой мир воззрений, установок, — даже то, над чем работал в последнее

время, рисуется в новом, более глубоком понимании».

В 1943 г., после шестилетнего заключения, Симорина оставили на свободном поселении в Магадане. При местной больнице он организует химическую лабораторию с четырьмя большими отделениями: «минеральной» и органической химии, биохимии, экспериментальным отделом, и «незаметно для себя» становится ее директором.

Осмысливая свою жизнь, он пишет Вернадскому:

«Пережитое строго переоценено... виднее стали свои описки, неправильные методы работы над собой. Я, к несчастью, родился «нищим духом», т. е. вечно голодным в духе, порою даже жадным. А Гумбольдт своим «Космосом» меня «погубил» еще с гимназических лет... Александр Павлович Виноградов не раз упрекал меня за эту экспансию вместо «углубления».

Но вот сегодня исполнилось 44 года. Голова стала седой. Поседели и мысли, но мозг не ослабел, а наоборот, стало казаться, что вот только теперь и можно, и нужно приступить к работе. Анализ показал, что и в прошлом не было разбросанности, а совершался процесс, руководимый интуитивным влечением, в определенных, совершенно закономерно заданных координатах. 7 лет в этом процессе вычеркнуты не мною... Вот почему сейчас, при руководстве большим и ответственным делом, отнимающим много времени, упорно работаю ночами, углубляясь в новое для меня учение о симметрии, двигаясь к проблеме правизны-левизны. (...)

В не дошедшем до Вас письме я хотел просить Вас, если Вы находите это целесообразным и своевременным, о теме для докторской диссертации. Я отстал за эти 7 лет от актуальных тем по биогеохимии. Мне трудно ориентироваться самому. (...) Я хотел начать работы по концентрации Au, но не знаю выводов работ Биогела в этом направлении. Может быть, темой мог бы послужить один из вопросов, входящих в тематику очередных работ... Тогда, если даже мой материал и был бы...

¹⁵ Бабочка Йозеф, чешский исследователь, работал в Карловом университете в Праге.

недостаточным для диссертации... цифровые данные могли бы быть использованы.

Всякое Ваше решение в этом вопросе приму как закон с благодарностью и признательностью.

На Ваш вопрос о моей личной жизни я ответил бы Вам тем, что в общепринятом смысле ее у меня просто нет. Материально я обеспечен. Получил хорошую, светлую комнату. Но духовно я — одинок. Принимаю у себя и бываю у весьма немногих. Отдыхаю с книгами. Скуки не знал никогда, не знаю ее и теперь. Совершенно потерял вкус к художественной литературе — выпал какой-то «гвоздик». Но к древним тянет — недавно я с интересом читал Витрувия «Трактат по архитектуре» и там нашел немало ценного.

Производя капитальный ремонт в душе и упорно работая, я как бы отдаю долг любимой биогеохимической лаборатории, так как не считая себя сотрудником ее я не могу (это уже вросло в душу), хотя я и числюсь там, как тело астральное.

Боюсь утомить Вас. Желаю Вам только здоровья и еще длинного ряда лет... Не переутомляйте себя (это уже говорит во мне врач). Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание.

Получил в подарок Ваш портрет. Это тот, что помещен

в Вашем юбилейном сборнике 1936 года. Теперь Вы всегда со мной.

Преданный Вам и любящий
А. Симорин».

Высоко оценивая возможности Симорина, Вернадский рекомендовал ему «определить точно количественно спектр организмов моря на строго научном уровне вида, подвида»¹⁶, эта проблема тесно связана с изучением геохимической энергии живого вещества — задачей, поставленной Вернадским еще при основании Биогела. Из-за своей сложности решена и по сей день.

В январе 1944 г. на Всесоюзной конференции врачей Симорин выступил с двумя докладами, придав им биогеохимическое звучание. (По всей вероятности, это был съезд лагерных врачей, организованный выдающимся советским вирусологом Л. А. Зильбером, трижды арестованным и сосланным.)

Только в 1957 г. Симорин вернулся в Москву. Полностью реабилитированный, с бумагой о необходимости восстановления его на прежней работе, радостный и счастливый, он появился в ГЕОХИ и подал заявление директору института А. П. Виноградову с просьбой зачислить его вновь на работу

¹⁶ Ответ написан на обороте письма Симорина рукой секретаря Вернадского А. Д. Шаховской.

в Биогеохимическую лабораторию. Ее руководитель В. В. Ковальский, близкий ему по своим научным устремлениям, приветствовал возможность совместной работы. Но безрезультатно прождав ответа полгода, Симорин понял, что в институт его не примут. Только удивительный оптимизм и вера в жизнь дали силы перенести этот тяжелый удар судьбы. Попыток заняться научной деятельностью в другом месте Симорин не предпринимает. Осенью 1958 г. он пишет из Старого Крыма: «В каком-то забытом покое, ритме и солнечной тишине протекают дни. Много обдумывается, укладывается на свое место, утверждается и успокаивается... Разлитый здесь, можно сказать, царственный покой исцеляет московские боли, обиды, горечи, устраняет разочарования, ненужную суету...»¹⁷.

Весной 1959 г. в Коктебеле Симорин знакомится с вдовой своего любимого поэта М. Волошина — Марией Степановной, которая приглашает его переехать в Коктебель и помочь в разборе рукописей мужа. Однако и этому не суждено было осуществиться. В октябре 1960 г. он заболел и 18 января 1961 г. скончался. Похоронили Александра Симорина в г. Старый Крым рядом с Александром Грином — таким же романтиком, как он.

¹⁷ Архив В. С. Неаполитанской.